

В. С. ЛЮБЛИНСКИЙ

НОВОЕ В РУССКИХ СВЯЗЯХ ВОЛЬТЕРА

Настоящая заметка имеет единственной целью информацию о нескольких документах, уточняющих сложную картину разно-сторонних русских связей Вольтера. Все они либо впервые увидели свет за последнее время, либо были вновь разысканы или же неожиданно обнаружены среди необъятной вольтеровской переписки, распыленной по сотням собраний, в том числе и в наших архивах.

Для воссоздания того неповторимо-многообразного комплексного источника по истории XVIII века вообще (а не только литературной истории Франции!), каким является переписка Вольтера, совершенно особое значение приобрело последнее пятилетие. В 1952 году вышла в свет многолетняя работа Андре Делаттра,¹ сумевшего дать весьма полную и точную сводку сведений о всех письмах Вольтера (а также к нему и о нем), появлявшихся в печати со времени последнего издания его сочинений и переписки, вышедшего под редакцией Луи Молана еще в 1880-х годах. Хотя это последнее уже включало десять с половиной тысяч писем, библиография Делаттра объединила еще свыше четырех тысяч элементов этой огромной корреспонденции. А в 1953 году началось издание, которое сразу отменило Молана и его предшественников и которому суждено будет на многие и многие десятилетия стать одним из основных источников по XVIII веку в руках любого литературоведа, историка и философа: образовав на базе собственного собрания автографов и главным образом фотокопий Институт и музей Вольтера (в некогда вольтеровском владении «Делис» под Женевой), неутомимый Теодор Бестерман предпринял выпуск в свет новой

¹ André Delattre. Répertoire chronologique des lettres de Voltaire non recueillies dans les éditions de sa correspondance générale. Chapel Hill, 1952.

«Переписки Вольтера».² К октябрю 1956 года выпущено уже 20 томов, образцовых как по полиграфическому оформлению, так и по текстологической тщательности. Содержат эти тома около 4200 номеров (против 2300 у Молана за тот же период, т. е. прирост почти на 83%), а доведены только до 1751 года, — иными словами, издание в целом составит не менее 60 томов. Естественно, что историки русской литературы с особым интересом ожидают продолжения, поскольку русские связи Вольтера в основном развертывались с середины 1750-х годов. (В вышедших томах находим лишь оба письма к Антиоху Кантемиру 1739 года и письмо к Г. Ф. Миллеру 1746 года, т. е. тексты уже известные).

Однако и труду Делаттра и публикации Бестермана присущ один — хотя и традиционный, но оттого лишь более непростительный — недостаток: незнание русских изданий. За случайными исключениями, Делаттр вовсе обошел публикации в нашем отечестве, даже — на французском языке.³ В первых 10 томах Бестермана игнорируется, а в следующих крайне недостаточно (а следовательно, неправильно) используется обширная сводка «Наследие Вольтера в СССР», напечатанная в 1937 году в I томе сборника «Русская культура и Франция».⁴ Хотя в этом издании из-за войны не увидели свет публикации писем на языке подлинника, все же их переводы, а особенно обширный археографический и текстологический материал, сопровождающий эти переводы, вполне могли бы издать редактора женевского издания от ошибочной реконструкции или некритического повторения совершенно искаженного прежними изданиями текста десятков писем (не к русским адресатам, но хранящихся в советских собраниях).

Та же публикация 1937 года содержала суммарный обзор состояния наших рукописных фондов с точки зрения изучения вольтеровских текстов и намечала некоторые пути розысков.

В настоящее время можно отметить дальнейшее расширение научной осведомленности о вольтеровских текстах, хранящихся

² *Voltaire's Correspondence*, edited by Theodore Besterman. Institut et Musée Voltaire. Les Délices—Genève, 1953 и сл. Английский язык заглавия, а также заголовков писем, комментариев и всего аппарата, крайне неожиданный при издании классика французской литературы, по-видимому, выражает то обстоятельство, что оно не только осуществляется (при консультационном совете из основных вольтероведов всех стран) единолично трудами Бестермана, но даже и в финансовом отношении не имеет французской правительственной поддержки.

³ Например: М. Р. Alexeyeff. *Voltaire et Schouvaloff. Fragments d'une correspondance franco-russe au XVIIIe siècle*. Odessa, 1928.

⁴ «Литературное наследство», т. 29—30, 1937, стр. 1—200.

в СССР, в том числе и о письмах, непосредственно освещающих сношения Вольтера с Россией.

В начале 1957 года вышел в Издательстве Академии наук СССР в свет первый выпуск «Новых текстов переписки Вольтера» — «Письма Вольтера». В этом выпуске удалось опубликовать на языке подлинника 94 вольтеровских письма, включая и ряд «уже изданных» (каковыми они числились, однако, лишь по явному недоразумению — настолько расщепленными или, напротив, амальгамированными они фигурировали в прежних изданиях).

В материалах этого тома появляется письмо Вольтера к А. Р. Воронцову — к четырнадцати известным в России (а заграничные издания знали их только тринадцать) добавляется пятнадцатое, отсутствовавшее в воронцовском архиве и потому не попавшее в прежние публикации; к тому же оно считалось адресованным другому лицу. Между тем в нем упоминается письмо адресата от 16/27 июня, которое, по нашему убеждению, не может быть не чем иным, как ответом (доныне не известным) Воронцова на письмо к нему Вольтера от 28 апреля 1767 года. Темой письма является беспокойство Вольтера о судьбе двух пакетов, посланных якобы «его друзьями» в Вольное экономическое общество: в них, как мы теперь знаем, содержалась работа самого Вольтера, присланная на конкурс сочинений о крестьянской собственности и доныне не обнаруженная, несмотря на непрекращающиеся поиски.

Для истории театра и для познания драматургических принципов Вольтера значение неосуществленного посвящения трагедии «Олимпия» столь велико, что после опубликования его в 1937 году в переводе оно уже дважды было включено в хрестоматийные сборники. Ныне этот любопытный проект опубликован впервые на французском языке с передачей всех особенностей спешного черновика.

То обстоятельство, что в 1761—1762 годах, взыскуя эмоциональной насыщенности и сценического действия, Вольтер своими самыми сокровенными размышлениями решил поделиться именно с И. И. Шуваловым, не было игрой случая. Он рассчитывал, между прочим, воздействовать на лишь недавно зародившийся русский театр классической трагедии, причем пропаганда «истинного вкуса» входила неотъемлемой частью в его служение Просвещению, успехам которого в России он не раз радовался с нескрываемым восхищением.

К историко-литературным сюжетам касательство имеет и воспроизводимый (в одном из приложений к тому) оригинал письма французского химика Элло, впервые нами же изданный

в переводе в упомянутом выше томе «Литературного наследства». В духе авантюрных мемуаров середины века Вольтеру всерьез преподносится ряд анекдотических сведений о жизни особы, выдававшей себя за вдову царевича Алексея Петровича (умершую, как то отметил и Вольтер в своей «Истории Российской империи при Петре Великом», еще в 1718 году). Авантюристка эта не только представляла одну из граней сенсационного интереса к России в Париже в 1763 году, но и причинила некоторые заботы русскому двору, а для самого Вольтера оказалась вплетенной в крайне для него неудобный узел вопросов, связанных с казнью царевича.

Если, несмотря на розыски редакции «Литературного наследства», в 1930-х годах не удалось установить местонахождение крупного комплекса русской переписки Вольтера — большинства его писем к Екатерине II, то серьезные успехи в упорядочении советских архивохранилищ за истекшие десятилетия привели к тому, что в нынешнем году эти письма предстали перед нами в ЦГАДА в исключительной полноте. При этом обнаружилось, что по не всегда понятным соображениям часть из них была упущена или отброшена при издании П. П. Пекарским «Бумаг императрицы Екатерины»;⁵ в иных же из изданных документов этой переписки оказываются пропуски, подчас довольно значительные. Всего вновь учтено здесь 90 писем Вольтера к русской царице, в подавляющей большинстве — в копиях. Девять писем опубликованы теперь полностью, для большей части прочих приводятся текстологические уточнения (чаще всего — восстановление купюр).

Общий тон и содержание этой знаменитой с XVIII века переписки хорошо известны, и новые письма не заставляют пересмотреть установившуюся ее характеристику. Однако немало любопытных штрихов они все же добавляют.

Чрезвычайную свою озабоченность в успехах русского оружия в годы турецкой войны фернейский отшельник доводит до настойчивого навязывания своего изобретения — модернизированных боевых колесниц, которым «на равнинах Адрианополя» «по крайней мере в продолжение одной кампании» (т. е. благодаря эффекту неожиданности) суждено, по его мнению, «сослужить хорошую службу», обойдась притом «в сущую безделицу». Хотя «Вольтер как изобретатель танков»⁶ послужил

⁵ В «Сб. РИО», тт. X (1872), XIII (1874), XVII (1876), XXIII (1878).

⁶ Rob. von Nostiz-Reinecke, Voltaire und die Tanks. «Stimmen der Zeit», 1918, 96, стр. 258—260; J. Cazes. Voltaire inventeur des tanks.

предметом специальных статей и эта его выдумка хорошо знакома его биографам, наиболее существенное ее описание лишь теперь увидело свет, донныне же составляло один из крупных пропусков в традиционном тексте письма от 26 февраля 1769 года.⁷

В других письмах Вольтер усердно рекомендует вниманию Екатерины II своих соотечественников или соседей, едущих искать счастья в России, заступает то за женевских купцов, которым не возвращает долгов один петербургский дворянин, то за первого встречного ливонского авантюриста, затем спохватывается в своей опрометчивости, отрекается от собственных рекомендаций. Пропущенным прежним издателем оказалось также письмо, в котором (обычно подбитая философскими принципами и опущенная шуточно-фамильярным ворчанием на правах больного старца) лесть принимает переходящие границы исступленные формы. Вместе с вернувшимся из России «отлично сложенным» «юным полковником» (Монморанси-Лаваль), «пьяным от радости, что целовал ваши прекрасные руки», хозяин Ферне опустился, как перед иконой, на колени перед портретом царицы. Правда, Вольтер тут же обзывает всё это смехотворными вольностями и просит за них прощения, но не требуется быть Валишевским, чтобы допустить, что в момент восхвалений «одного из наших Монморанси — тех, что некогда брали в жены вдов наших французских королей», пылкое воображение Вольтера нарисовало ему перспективу выдвижения нового фаворита. Если письмо Екатерины II, датированное в «Сборнике ИРИО» (XXVII, стр. 46) «после 23 июля 1775», прежде считалось адресованным принцу де Линю, то теперь полностью подтверждается догадка Пекарского о том, что оно обращено к Вольтеру (датируется всё же, однако, «не ранее середины сентября 1775 г.»), — оно бесспорно является ответом именно на этот приступ фернейского энтузиазма, и его подчеркнута спокойный тон явно восстанавливает дистанцию и переводит переписку в плоскость обычной вежливости.

В письме от 25 июля 1776 года зафиксирован момент, известный каждому русскому по пушкинскому «Посланию

«Mercure de France», 1920, 137, 1 mars, стр. 405—514; Le chariot de guerre de Voltaire. Intermédiaire des chercheurs et curieux, 86, 1923, стр. 433, 566, 993. Первые две статьи нам были недоступны.

⁷ Любопытно, что в этот же день, кроме этого длинного письма, Вольтер направил в Россию еще два больших письма — к А. Р. Воронцову и А. П. Сумарокову. В «Хронологическом обзоре писем Вольтера, хранящихся в советских собраниях, кроме библиотеки Вольтера» (Письма Вольтера, стр. 375 сл.) мы приводим для обоих этих писем текстологические уточнения.

к вельможе»: Ферне только что повторно посетил «один из самых любезных христиан сего полушария», «татарин, чей дед был язычник», — Н. Б. Юсупов. В том же письме (и в следующем, от 1 августа) Вольтер — словно со времени издания «Наказа» не утекло много воды и крови — пытается привлечь Екатерину II к поддержке конкурса на проект реформы германского уголовного законодательства и заверяет, что «Бернское общество» желает принятия законов Екатерины всем светом.

В том же собрании ЦГАДА нами взяты на учет три письма Вольтера к Д. М. Голицыну, подлинники же двух других, известных со времени Д. Ф. Кобеко,⁸ писем к Голицыну нам разыскать не удалось.

Но если обнаружение почти полного комплекта копий вольтеровских писем к Екатерине II подтверждает научное ожидание и выдвигает в свою очередь лишь вопрос о том, куда же попали (или когда и кем могли быть уничтожены) их подлинники, то обнаружение писем самой Екатерины II к Вольтеру явилось вдвойне неожиданным. Были веские основания сомневаться в том, удалось ли Гримму после смерти Вольтера выполнить поручение царицы и скупить (подчас ее компрометирующие перед другими государями) письма, направлявшиеся ею в Ферне; нелегко было в публикации Пекарского, а тем более в перепечатке Молана различать все особенности работы над черновиками. Теперь же перед нами предстали сотни писем Екатерины II как в черновиках (с частыми следами публикаторских купюр), так и в подлинниках, поступивших в архив иным путем, но несомненно, стало быть, все же скупленных во Франции и впервые сопоставимых с изданным их текстом. Не говоря уже о том, какое значение будет иметь для нового издания «Переписки Вольтера» восстановление подлинного текста такого важного звена этой переписки, подчеркнем, что специально для русской истории очная ставка черновиков с окончательными редакциями дает немало интересного, почему им и посвящен особый раздел во втором, ожидающем выхода в свет, выпуске наших «Новых текстов переписки Вольтера» («Письма к Вольтеру»).

Внимания заслуживают, наконец, два письма, вероятно входившие в состав собрания Н. П. Лихачева, но, несомненно, выявленные в Ленинградском отделении Института истории АН СССР лишь в недавнее время. Оба они написаны женеvским выходцем Франсуа-Пьером Пикте, которого мы отнюдь не склонны вслед за его соотечественниками величать «секретарем

⁸ «Русский архив», 1885, кн. I, стр. 133—136.

императрицы». В связи с письмом к нему Вольтера от 12 марта 1762 года мы в свое время восстановили этапы довольно бурной биографии этого авантюриста и определили ту роль, которую ему привелось сыграть в завязывании непосредственной переписки между русской царицей и фернейским философом.⁹ Мы констатировали тогда, что до нас не дошло письмо Пикте к Вольтеру, на которое последний отвечал 12 марта (явно — довольно сдержанно), и что в этом письме о Петре III Пикте, несомненно, отзывался не столь пренебрежительно, как в своих позднейших сообщениях, информировавших Вольтера (а через него и европейскую печать) о «счастливой перемене» 1762 года. Недоставало и писем Пикте после 1762 года, которые позволили бы уточнить истинное положение женеваца в Петербурге и конкретизировать формы шедших через него сношений.

Теперь перед нами два новых письма, и, действительно, первое из них написано сразу после оглашения в Сенате указа о вольностях дворянства и полно восторгов по этому поводу самых неумеренных, а заодно и настойчивых домогательств воспевания Вольтером нового государя (воспел же он Генриха IV) и дальнейшего покровительства автору со стороны Вольтера перед русскими вельможами. Письмо это воспроизведено в приложении к книге «Письма Вольтера», во второй же выпуск («Письма к Вольтеру») мы отнесли второе из вновь найденных писем Пикте, от августа 1763 года, не менее характерное. Корреспондент Вольтера — в зените своего благополучия, он купается в отблесках Вольтеровой славы, так как по милости Вольтера оказался при петербургском дворе тем каналом, по которому туда притекают новинки из Ферне; он философствует о тщете придворных интересов и с вежливейшей наглостью буквально заказывает Вольтеру новые знаки внимания, не исключая таких рукописей, которые не предназначены для печати; он рассуждает о торговом кризисе в результате политики Фридриха II и восхваляет финансовую прочность русских экспортеров. Письма эти пересыпаны русскими именами и безусловно ценны для восстановления ряда культурно-бытовых деталей.

Примером уточнений, в которых нуждаются письма, вошедшие в издание Молана, может служить письмо от «февраля 1757 г.», числящееся адресованным якобы М. Бестужеву-Рюмину. В Воронцовском собрании Ленинградского отделения

⁹ В. С. Люблинский. Письмо Вольтера к Пикте («Вольтер», статьи и материалы под ред. М. П. Алексеева, Л., 1947, стр. 185—196); абзацы на стр. 186 должны следовать в таком порядке: 4, 1, 5, 2, 3, а обе сноски надо переставить.

Института истории АН СССР среди писем Ф. Д. Бехтеева к М. Л. Воронцову сохранилась официально препровожденная копия этого письма, важного потому, что в нем Вольтер отвечал согласием на переданное ему через Ф. П. Веселовского приглашение написать «Историю Петра Великого». Во-первых, устанавливается точная дата (19 февраля), во-вторых, адресатом оказывается вовсе не Бестужев, а Ф. П. Веселовский, а в-третьих, письмо снабжено весьма существенной припиской, в которой Вольтер обосновывает свое намерение не писать жизнь Петра, неотделимую, по его мнению, от многих неприглядных обстоятельств, но писать историю России его времени. Исправный текст письма был уже опубликован в России за десяток лет до издания Молана, в III томе «Архива кн. Воронцова».

Имеются основания предполагать, что в порядке откликов на новые публикации с мест поступят дополнительные данные о вольтеровской переписке, ускользавшие донныне от учета и изучения.¹⁰

¹⁰ К моменту издания настоящей заметки необходимы следующие дополнения. К стр. 433: весной 1958 г. число томов издания Т. Бестермана дошло уже до 34; за последние два года в нем советские публикации внимательно учитываются. — К стр. 437: нами установлено, что подлинники писем Екатерины II к Вольтеру были поднесены в 1857 г. Александру II одной француженкой, г-жей Гобе.